

Дмитрий Быков

А потом, русскому человеку не очень-то дают участвовать в решении своей жизни – даже в мелочах. Начать свое дело – значит преодолеть целый ряд чудовищных, практически непреодолимых формальностей. Просто честно работать на своей работе – значит угождать огромному количеству начальников. Об участии в политике я даже не говорю, потому что такое в принципе невозможно. И даже благотворительность государство умудрилось обставить массой тяжелых формальностей.

– **И потому вы стали фрилансером?**

– Напротив, я никогда не был фрилансером – был и остаюсь абсолютно штатным сотрудником. И убежден, что в России лучше числиться в штате и получать мало, нежели хорошо зарабатывать, но не быть прикрепленным к рабочему месту, поскольку оно означает вашу интеграцию в коллектив, защиту ваших интересов, принадлежность к определенной группе. Я креативный редактор газеты «Собеседник», член редколлегии, и дорожу этими званиями значительно больше, чем любыми другими, потому что заработал их, отдав «Собеседнику» 25 лет. И ничего другого мне не надо.

– **А зачем вам коллектив с вашими свободными взглядами на жизнь?**

– (Смеется). Так ведь у меня нет никаких свободных взглядов – я абсолютно традиционный правильный семьянин, суровый отец, сторонник патриархата, я люблю ходить на работу – мне важно вставать в фиксированное время, я терпеть не могу безделья, я практически не пью... То есть при своем весе я могу себе позволить выпить 300 граммов водки, но не более того, потому что утром это уже мешает думать... Я абсолютный государственный, сторонник твердой руки, нормы, в конце концов, моногамности – если у меня и были какие-то связи на стороне, то они, во-первых, возникали еще до жены, а во-вторых, тянулись довольно долгое время. Так что я абсолютный ботаник и всегда был таким: толстый читатель книжек, перечитавший к 12 годам всю довольно весомую домашнюю библиотеку, большой любитель делания уроков и полный не-любитель громких компаний. Я ни разу в жизни не был в ночных клубах, никогда не ходил на дискотеку – вы вообще можете меня представить танцующим? Сначала читал книжки, потом начал их писать. И при этом я как-то умудрялся знакомиться с девушками такими же, как я. Такой была и моя жена.

– **Что это за милый кошелечек у вас в кармане?**

– Это чехол для ключей от сигвея.

– **Сигвей – это что?**

– Это такая вертикальная двухколесная машина – мой любимый аппарат. В Москве их всего 45, а в мире 50 тысяч, и одна есть у меня.

– **Ну, наличие продвинутого сигвея, на которых раскатывают Филипп Киркоров и Богдан Титомир, доказывает вашу ботаническую сущность очень ярко!**

– (Смеется). Можете даже не ерничать: это абсолютно ботаническая вещь – ведь ее максимальная скорость всего 40 километров в час. Еще у меня есть седьмая модель «Жигулей», ей семь лет – тоже, как видите, доказательство моего ботанизма. Однажды на заправке один малый меня спросил: «А это действительно ваша или для прикола?» Это действительно моя. А еще у меня есть старый «Запорожец».

– **Продайте их обе и купите хотя бы «Шевроле-Ланос», он всяко получше будет.**

– Во-первых, это дорого,

– **Думаю, не дороже сигвея.**

– Он стоит всего шесть тысяч долларов, но я купил намного дешевле – со скидкой. Я помешан на сигвее и могу говорить о нем часами – даже о литературе я говорю меньше, в ней мне все понятно, а в нем – нет: вот как он стоит? Вы, ездючи на нем, начинаете гораздо полнее управлять своим телом, мозгом... История, которая меня совершенно потрясла: человек болел

чем-то вроде Паркинсона – забывал части слов и имел сильную дрожь в руках. С тех пор, как он начал ездить на сигвее, у него эти порушенные связи в мозгу стали восстанавливаться. Это машина, с которой существуют интимные отношения, – это сложная штука. Ее придумал Дин Теймон, очень известный изобретатель, который и прислал мне ряд прибамбасов к ней.

– **Слушайте, да вы большой человек!**

– (Смеется). Абсолютно! Когда я купил сигвей, ждать его пришлось три недели – на границе случился какой-то затор. И когда он наконец пришел, я так торопился его забрать, что даже не проверил шины и уехал на не накаченных колесах – подкачивал по дороге. Я ехал по улице, и от меня в ужасе шарахались в стороны... А уж что было со школьниками, когда я приехал в школу на нем!..

– **Жизнь удается сама по себе или вы сами ее себе «даете»?**

– А я не могу сказать, удалась ли она. Кто может назвать себя счастливым, пока он жив? Это на надгробии можно написать: жизнь удалась. Для себя я живу хорошо, а для стороннего наблюдателя моя жизнь скорее

очень трудная и вряд ли удачная, потому что она не приводит ни к большим деньгам, ни к полному душевному покою, ни к особым душевным удовольствиям, поскольку я ненавижу все то, что делается ради самоудовольствия. Я, как правило, напротив, делаю вещи, которые заставляли бы относиться к себе еще более строго. Вот сейчас пишу роман, который, наверное, не стоило начинать – я со страшной тоской думаю, зачем я это сделал. Но уже поздно – не перепишешь. Это историческая трилогия, роман называется «Остромов, или Ученик чародея». Это реальное историческое лицо, только он писался через А, а у меня через О. Роман о масонском кружке 26-го года в Петербурге – это тоже реальность. Девушку сломали на допросе, и она сдала всех членов кружка. Следовательно знал их и без нее, но у него была садистская цель – растоптать и сломать. И вот она выходит оттуда – и ей стыдно за всех. Она приходит к Михаилу Александровичу Кузьмину – в реальности он Алексеевич, известный гей того времени, которого как раз бросил очередной любовник. И он говорит ей страшную вещь: «Люди живут ради самодовольства, а это далеко от Христа. А я всю жизнь прожил изгоем, и тем самым я близок к Христу. И ты теперь изгой – и ты ближе к Христу». И она с ужасом понимает, что это так. И я ничего не могу с этим поделать: в своем падении она ближе к Христу, чем была до падения.

– **Вы тоже не можете изменить ни буквы в судьбе своих героев, поскольку они начинают жить своей жизнью? Это утверждал Толстой, который очень хотел, но так и не смог спасти свою Анну Каренину.**

– Я не могу изменить ни буквы, потому что это правда – это реальная история. Я прочел следственное дело, и меня поразила одна штука: значительная часть дворянства и даже офицерства, которые были взяты по этому делу, сдавались с изумительной легкостью. А вот прислуга, которая тоже входила в этот кружок, защищала своих бывших хозяев до последнего и держалась со следователем нагло и развязно. То есть они оказались более надежными людьми, чем тонкая интеллигенция, имевшая меньший запас прочности. И есть гениальный допрос одной горничной, которая швырнула в лицо следователю: «И ничего я не скажу, и рожа твоя пархатая». И это для меня очень интересно. А еще легкомысленные эстеты не раскололись – именно потому, что им некрасиво было пойти на поводу у этой мрази, понимаете? Снявский сказал однажды замечательно: «Эстетика

вывозит там, где пасует этика». Но он же в 90-е годы говорил: «Мне, эстету, смешно защищать нищих старух – нищие старухи не эстетичны». И мне было ужасно писать эту книгу, где ломались добрые люди, потому что я всей душой на стороне добрых людей и мне отвратителен циничный эстетизм. Но правда заставила написать так. И вот я второй год не могу закончить роман. Хотя, может, это главная вещь в моей жизни – тогда ее надо писать долго. Потому что, как показывает практика, пока человек пишет главное свое произведение, он жив – бог дает ему силы.

– **Вы мучительно пишете книги и вынуждены быстро писать статьи, ведь журналистика – скорее, не творчество, а ремесло...**

– Нет журналистов-ремесленников, я таких не видел. Журналистика – очень серьезная работа, потому что мы пишем о том, что есть, и не можем ничего изменить. И я ставлю журналистскую работу выше литературной, потому что от нее в жизни что-то меняется. В литературе ты написал – и это кануло. А из-за статьи в газете человека освободили, или дали

денег, или рухнула его репутация – ударная волна от одной публикации гораздо больше, чем мы можем себе представить. Мои ли-

тературные дела очень мало кого на что-то подвигли, а журналистские работы изменили кучу судеб – поэтому я и не бросаю журналистику, она дает ощущение нужности.

– **Я понимаю, что вы вряд ли смотрите легкомысленную комедию «Сбежавшая невеста». Но там герой Ричарда Гира, журналист, сказал одну фразу: «Журналист – это литератор на скорую руку». Вы, я так понимаю, с этим не согласны?**

– Я с Гиrom общался лично в Лос-Анджелесе. Не знаю, как его герой, а сам он прессу уважает весьма и весьма. Знаете, я страшную вещь сейчас скажу: литератор, не прошедший журналистской выучки, стоит недорого. Пушкин не мыслил себя без журнальной полемики. Лермонтов ее миновал, но это и предопределило его скорый конец – он не имел вот этой шкуры слоновьей. Некрасов – основатель русского толстого журнала, Щедрин – ведущий сотрудник «Отечественных записок», Толстой – издатель журнала «Ясная поляна», Блок с десяти лет рисовал дома журнал и всю жизнь подрабатывал рецензентом...

– **А ваши современники?**

– А они – тем более, потому что иначе не проживешь. Леша Иванов, который сделал вместе с Леонидом Парфеновым героический фильм «Привет, Россия», Захар Прилепин – гениальный журналист, на мой взгляд, и выросший из этого прозаик, Эдуард Лимонов – основатель «Лимонки», Сашка Никонов – ужасный, но безумно талантливый человек... Журналистика – единственная литературная школа, другой просто нет. И я не устаю молить бога за мою умную мать, которая, когда я хотел получить педагогическое образование, как и она, меня резко повернула и пихнула на журфак. Это не мешает мне преподавать, хотя с ее точки зрения я никакой методист – и наверное, она права. Очень смешно было, когда я однажды привел мать к себе в школу прочесть лекцию. Она честно отработала два урока, и мне потом один дылда скорбно сказал: «Вы, Львович, тоже ничего, но уж если от бога – так это от бога». Так что на журфаке меня научили и писать, и давать своими статьями читателю под дых с помощью нехитрых приемов, которые, думаю, вам тоже известны. Так что не будем раскрывать всех секретов ☺

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ
Москва – Магнитогорск

> ЖУРФАК

Страницы

«Живого журнала»

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ есть много замечательных традиций. И одна из них – «встреча эпох», когда студенты разных курсов собираются вместе: познакомиться, пообщаться, даже поиграть, чтобы открыть для себя с новой и неожиданной стороны дружное факультетское сообщество.

В этот раз конференц-зале МаГУ встретились студенты, выпускники и преподаватели отделения журналистики, вписав новую страницу в «Живой журнал» филфака. Кафедра журналистики и речевой коммуникации решила внести во встречу элемент соревновательности. Команды студентов и коллектив преподавателей взялись доказать, что журналист – это, как говорится, «и швец, и жнец, и на дуде игрец». И свободно может, как сказал сотрудник телеканала ТВ-ИН Игорь Гурьянов, «из роддома – в мартеновский цех».

Открылась встреча визиткой 104-й группы, студентам которой в этом году только еще предстоит влиться в общество талантливых и креативных, каковым и видится филфак. Как должен выглядеть настоящий журналист, выяснили во время первого испытания. Команды воплотили «собирательный образ» на бумаге. Оказывается, главное орудие труда журналиста – язык, которым он добывает информацию, и ноги, которые его «кормят». А еще следует выделить уши и глаза!

Следующий тест на профпригодность – конкурс актерского мастерства, которое необходимо журналисту, когда ему требуется «уломать» кого-то поделиться нужными сведениями. Участники команд разыгрывают чистой воды импровизацию – старую добрую «Репку», но на новый лад. Под взрывы смеха и аплодисменты зрителей герои добиваются желаемого под жизнеутверждающее восклицание «Оба-на!»

Испытание номер три призвано было проверить умение студентов «во всем доходить до самой сути», выделять из массы главное. Ну, а условия конкурса требуют создать лучшую, оптимальную форму для... картофеля в количестве одной штуки. Фантазия на этом этапе разгулялась вовсю: выпускники, например, воплотили во «втором хлебе» букву Ф, символизирующую филфак, а преподаватели придали овощу идеальную форму – квадрат.

В перерывах между конкурсами на экране конференц-зала проходили самопрезентации групп, в которых никто не скупится на комплименты в адрес «себя, любимого». Но «гвоздем парада» стала визитка преподавателей кафедры журналистики, которые в свободное от работы время предстали активно отдыхающими, занимающимися спортом, души не чающими в своих домашних любимцах.

Все чувства, которые охватывают студента и преподавателя при слове «филфак», участники встречи постарались выразить в своих «одах факультету», написанных в лучших традициях жанра. А в заключение организаторы праздника напомнили об особом характере нынешнего «Живого журнала», вручая отличившимся группам дипломы и памятные подарки в номинациях «За одного битого двух небитых дают», «Самые обаятельные и привлекательные», «Нас мало, но мы в тельняшках», «Поэтический дар», «Акулы пера». Деканат филфака завоевал звание «Лучший рассадник традиций на филфаке», кафедра журналистики признана «Лучшей мастерской по производству журналистов из природного материала», а ведущая праздника Юлия Полякова – «Лучшим проводником в мире юмора».

...Встреча завершилась, согрев ее участников теплом улыбок, подарив море веселья и положительных эмоций. А еще – неувовимо окутав всех нас удивительным духом единства, дружеского участия и чувством причастности к большому университетскому братству.

ДАРЬЯ КОРИНЕНКО,
студентка отделения журналистики МаГУ

> **Писатель ни разу не был на дискотеке и полный нелюбитель громких компаний**